

Возвращенцы

Популярные телеведущие мнят себя королями. Но их переставляют, как пешки

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Изыди

Прошлую субботу, по заповеди, телезрители наконец-то провели в покое. Аналитический мордобой временно сменился благостной политической информацией «Времени»; бойкий и живой Доренко был изгнан из эфира, как нечистая сила из места святого. Кто-то был этим обстоятельством весьма доволен, кто-то — недоволен весьма, но все же некоторая логика в решении руководства ОРТ имела. Оно, руководство, вынуждено маневрировать, примирять интересы основного (реального) акционера в лице Бориса Абрамовича и основного (формального) акционера в лице государства, то есть президентской администрации.

Без маневроидного Доренки тут не обойтись. Считая себя неразменным рублем, на самом деле он давно уже служит разменной монетой, игорной фишкой. Который год подряд над зеленым сукном игрового стола склоняются всегдатаи политического казино. Березовский ставит Доренко на черное, Эрнст передвигает его на красное, Волошин бросает шарик на крутящуюся рулетку, Гусинский сгребает проигранного аналитика и пропускает ход; затем снова звучит голос крупье: «Делайте ваши ставки, господа».

Господа делают. Все это нам знакомо — если не из собственной практики, то по крайней мере из русской классической литературы. Тут как в эпиграфе к пушкинской «Пиковой даме»: «А в ненастные дни/ Собирались они/ Часто./ Гнули, /Мать их ...,/ От пятидесяти/ На сто». И вплоть до закрытия телевизионного казино поклонникам юного дарования не о чем волноваться: рано или поздно стареющий подросток Доренко снова будет на кону (или на коне, что почти одно и то же). А что это будет за кон — никакого значения не имеет.

Помнится, когда Доренко вынужден был уйти с РТР, его тут же подобрали на НТВ, причем Игорь Малащенко объяснил решение энтэвэшного руководства не журналистской солидарностью, а политической целесообразностью, борьбой за принципы свободы слова. Но благородство «Медиа-Моста» не помешало Сергею Леонидовичу перебраться на ОРТ и тут же куснуть руку, приласкавшую его. Вопрос: что помешает ему в случае необходимости вернуться в объятия бывшего врага? Ответ: ничто не помешает.

Тем более что Березовский с Гусинским вновь замирились и координируют свои действия, как в приснопамятном 1997-м. Больно было смотреть на Евгения Киселева, который в воскресных «Итогах» объяснял просвещенной публике, почему не возьмет в управление березовские акции.

Представляя интересы вверенной ему телекомпании и соблюдая принципы корпоративной этики, он не мог прямо сказать: «Блажен муж, иже не иде в совет нечестивых. Братцы, родные мои, телезрители дорогие, держитесь от Абрамыча подальше, сегодня он приказывает топить Киселева, завтра признает свои ошибки, послезавтра приползет ночью с кривым ножиком и всех нас порешит».

Но и взять из этих рук акции Евгений Алексеевич тоже не мог.

Пришлось долго и путано рассуждать об угрозах свободному словоизъявлению, цитировать того же Доренко («если Березовский призовет мыть руки перед едой — что же, нам отказаться от гигиены»), демонстрировать лояльность временному и притом глубоко ненавистному союзнику, а в конце концов неожиданно подытожить: нельзя участвовать в управлении сразу двух конкурирующих компаний.

Между тем управлять ОРТ Киселеву никто и не предлагал, равно как и Светлане Сорокиной, которая совершенно растерялась, когда Березовский в прямом эфире «Гласа народа» поманил ее своими акциями. Доверенные лица Березовского будут не «рулить», а тихо и мирно голосовать от его имени и по его поручению; что же до бунтарского духа некоторых творческих интеллигентов, то и он аккуратно обсчитан, измерен и рационально встроено в новый политический проект. Пусть доверенные лица голосуют не солидарно, оно даже и хорошо — внешняя несогласованность действий произведет на публику приятное впечатление, а угрозы интересам Березовского никакой. Пакет акций будет настолько раздроблен, что празник непослушания сам собой превратится в родительский день; вольно-

любивый порыв какого-нибудь Алексея Венедиктова сам собою погаснет в общем ровном потоке.

Что же до мыла...

Формула Доренко лишь кажется бесспорной — на самом деле если Березовский и пользуется мылом, то не для мытья рук. Зачем ему переводить продукт, если заранее понятно, что руки эти отмыть невозможно? Так что когда он призовет «журналистов и других творческих интеллигентов» (сатирическая формула, предложенная в «Зеркале» Николаем Сванидзе) к омовению десницы и шуйцы, им лучше бы насторожиться. Потому что возможны только два варианта. Или мыло будет вонючее, или вода в кране окажется ржавой.

Прощай и помни обо мне

Повторяю, субботний маневр с Доренко был по крайней мере логичным. Однако ближе к нынешней субботе нас известили о другом «аналитическом изгнании» — на сей раз уже с телеканала ТВЦ. Своей программы лишился добропорядочный Владислав Флярковский. Тут политическую логику обнаружить куда сложнее.

Вялая, какая-то обесточенная стилистика Флярковского-аналитика лишала энергии любую идеологическую позицию, любую «тенденцию». Талантливый ведущий-новостник, неплохой репортер, он являл собою наглядный пример журналиста, превысившего собственный порог некомпетентности. Но чего ради Олег Попцов изгнал из пределов ТВЦ своего собственного выученика, я решительно не понимаю. Телеканал контролирует тотально проигравшая команда московского мэра, между тем уровень аналитики обычно прямо пропорционален уровню политической активности владельца. Было время — в рамки канала вписывался пассионарий Леонтьев; теперь его агрессия уместна лишь на березовском ОРТ. А на ТВЦ как раз самое место (оно же время) смиренному Флярковскому, при этом его связи с Березовским, порочащие чистоту лужковской расы, никакого значения не имеют. Флярковский мог быть близок к Березовскому — или враждебен ему, лоялен Примакову — или неприязненно к нему относиться: на уровне передачи это никак не сказывалось.

Уходя — уходи

Вообще же говоря, профессия телеведущего, особенно претендующего на серьезный статус, не просто сложна, она драматична. У любого творческого человека есть подъемы и спады. В какой-то момент нужно остановиться, сбавить активность, осмотреться. Но телеведущий, притормозив на полном ходу, по определению попадает в аварию: дистанцию здесь никто не соблюдает. И вернуться в строй после паузы мало кому удалось. Вспомним «Взгляд», который был похоронен позднегорбачевским режимом заживо, а вернулся в раннеельцинский эфир замертво. Или включим попозже вечером нынешнее РТР, чтобы увидеть Владимира Молчанова, который в своих белых одеждах и черном шейном платочке все более напоминает Андрея Вознесенского. Рассуждения о «расстреле парламента» в 1993 году, сами по себе неуместные, в молчановских устах приобретают ностальгически ворчливую тональность — телевизионный ветеран тоскует о вольных временах ограниченной гласности, когда к его безжизненным словам прислушивались миллионы...

В молчановские времена (кажется, и в молчановской программе) начинал свою телевизионную карьеру другой публицист, ныне работающий на РТР Алексей Денисов. В славную эпоху перестройки он первым начал показывать «Россию, которую мы потеряли», невольно творя незлобивую, но чуть пересахаренную легенду о реальной стране наших предков. Теперь его исторические интересы слегка сместились; как в конце 70-х общественное сознание нуждалось в красивой сказке о дореволюционных временах, так ныне оно испытывает потребность в дистиллированном мифе о временах застоя. И Денисов этот миф охотно творит; на минувшей неделе он явил народу истинных авторов брежневской трилогии и почти умиленно поведал об их незаслуженно трудной жизни, о вечной неблагодарности власти, о благородстве скромных тружеников советского пера...

Смотришь, смотришь — и снова на память приходит пушкинский эпиграф: «...Так в ненастные дни/ Занимались они/ Делом».